

7. Савенко Г.С. Органічне сільське господарство як пріоритетний напрям реалізації спільної аграрної політики Європейського Союзу. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Міжнародні економічні відносини та світове господарство*. 2017. Вип. 15(2). С. 113–116.
8. International Federation of Organic Agriculture Movements. URL: <https://www.ifoam.bio>.

Р. П. Сухацкий. Особенности правового регулирования органического производства в ЕС. – Статья.

Аннотация. В статье исследуются особенности правового регулирования органического производства в государствах ЕС. Проанализировано развитие правовой базы и стандарты органического производства в ЕС, а также условия правового регулирования органического производства в Украине.

Ключевые слова: органическое производство, стандарты, сертификация, Европейский Союз, государственная поддержка, законодательство.

R. Sykhatskiy. Peculiarities of legal regulation of organic production in the EU. – Article.

Summary. The peculiarities of legal regulation of organic production in the EU are investigated in the article. The development of the legal framework and standards of organic production in the EU, as well as the conditions of legal regulation of organic production in Ukraine are analyzed.

Key words: organic production, standards, certification, European Union, state support, legislation.

УДК 340.151

Э. Ш. Умеров

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин

Международный гуманитарный университет

Научный руководитель: Н. Н. Крестовская

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Международный гуманитарный университет

г. Одесса, Украина

ПЕРВИЧНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОН-УЙГУРСКИХ И ТОКЪУЗ-УЙГУРСКИХ ПЛЕМЁН И ОБРАЗОВАНИЕ КОЧЕВОГО ГОСУДАРСТВА *ON UY*

Аннотация. В статье реконструируются процессы первичной институционализации кочевых скотоводческих племён он-уйгуров и токъуз-уйгуров, приведшие к образованию кочевого государства «*On uy*» на территории Монголии, на р. Орхон и Алтае; автором предпринята попытка восстановления и осмысления процессуальных решений и процедур, организационно связанных с первоначальной, возможно, одной из наиболее ранней институционализацией он-уйгурского общества, процессов, сохранившихся в народной памяти он-уйгуров, в письменных источниках восточных авторов древности и средневековья.

Ключевые слова: он-уйгуры, скотоводы, кочевое общество, первичная институционализация, процессы габитуализации и легитимации, институт-государство, он-уйгурское кочевое государство, «*On-Uy*».

Одной из основных характеристик любого кочевого общества раннего средневековья является подвижность его элементов, отсюда – подверженность кочевого общества трансформации. Исследованием проблем изменений в кочевых скотоводческих обществах и государствах занимались В.В. Радлов [45], Н.А. Аристов [2], Е.И. Кычанов [28] и др. [5, с. 55]. Вопросам исследования процессов институционализации общества посвящены работы представителей феноменологической школы – П. Бергер и Т. Лукман [7], и представителей других школ, таких как В. Пауелл и П. ДиМаджио [42], П. Дрю и М.-Л. Сорджонен [13], Дуглас К. Норт [14] и др. [35]. Об институционационных процессах, в том числе в Украине, писали М. Оберг и М. Сандберг [1]. Опосредованно вопросы институционализации рассматривали и исследователи, которые изучают этот процесс как

полученный продукт, в виде социального института: Г. Спенсер, Е. Дюркгайм, М. Вебер, Т. Парсонс и др. Проблеме образования и изменений социальных институтов и, в частности, образованию, трансформации института государства и его стратам, подвергавшимся изменениям, посвящен целый ряд работ украинских социологов и исследователей-институционалистов, среди которых отметим Е. Головаха, Н. Панина [9], С. Макеева [30], В. Матусевич [34]. Вопросам институционализации общества и государства посвящены исследования российских правоведов и востоковедов: Р.Ю. Почекаева [44], В.Е. Кондурова и А.А. Краевского [23], Х.Г. Крил и Л.С. Васильева [24, с. 8], Г.В. Мальцева [32] и др. [38, с. 49].

Следует отметить, что среди работ исследования, которые бы специально рассматривали процессы институционализации кочевого общества и государства и, в частности, общества и государства он-уйгуров в северо-западной Монголии и Алтайском крае и в Восточной Европе – нами не обнаружены.

Предмет исследования – первичная институционализация скотоводческого общества он-уйгуров и токьуз-уйгуров на территории Северо-Западной Монголии и Алтайского края в древности.

Термины, связанные с институционализацией общества, применительно к кочевому скотоводческому обществу и государству он-уйгуров вводятся впервые.

Целью настоящей статьи является выявление закономерностей и особенностей процессов институционализации, в кочевых обществах он-уйгуров и токьуз-уйгуров до их переселения с территории Монголии и Алтая в Восточную Европу.

Временные рамки исследования определены концом IX – началом VII вв. до н. эры. Вместе с тем отметим, что китайские источники с учётом данных легенд кочевников о мифическом Огуз хана [27], реальном Мете хана (Моде шаньюй) и легендарном Афрасиябе позволяют говорить о более раннем периоде институционализации. Указанные факты требуют проведения проверки китайских источников и их соотношения с данными греческих, латинских и персидских источников [10], с материалами археологии [20; 22] и с данными радиоуглеродных измерений [21].

Территориальные рамки исследования определены поймой р. Орхон, её ответвлений, Алтаем и Средней Азией, до переселения и расселения общества и государства он-уйгуров On Uy в Восточной Европе.

Термин *уйгуры*, *он-уйгуры* (производные – токургуры, котургуры, отургуры, сарыгуйгуры, биттугуры, алтыокьуйгуры, хайландуры, унногундуры, ульгиндуры, ульгинчуры – греческих и латинских авторов) до VII в. н. эры в Восточной Европе не являлся тождественным термину *уйгуры* позднего Уйгурского каганата, является политонимом, объединившим в себя многие тюркские и др. племена кочевников.

В силу отсутствия литературы, посвящённой вопросам институционализации кочевого общества он-уйгуров в древности, настоящее исследование основано исключительно на материалах письменных источников древних авторов [16; 46; 48], частично – материалах археологии [21; 22]. Китайские материалы в настоящее исследование не включались.

Понятие «институционализация» имеет множество определений, которые в целом обозначили институционализацию как процесс создания или становления социального института, благодаря которому складывается и сохраняется социальная структура [32, с. 405], в частности структура общества и государства, а также процесс преобразования аморфного состояния или движения какой-либо группы или групп людей в структурированную организацию.

С таким утверждением нельзя не согласиться, однако, думается, приведённое определение ограничено возникновением социального института и не распространяется на его дальнейшее развитие. Любые социальные институты, в том числе институт государства, нельзя считать чем-то абсолютно неподвижным и неизменным, те или иные изменения могут быть причинами трансформации и реформирования существующих социальных институтов [6, с. 101], возникновения новых или изменения и гибели старых.

В соответствии с предлагаемым тезисом считаем целесообразным рассмотреть процесс ранней институционализации он-уйгурского и токьуз-уйгурского обществ в форме первичной институционализации, то есть такой, который начинается с «чистого листа» и включает в себя создание социального института, т.е. кочевого скотоводческого государства, который заканчивается моментом (или актом) его легитимации и легализации [28, с. 73].

Схематично описанный нами первичный институциональный процесс, можно отобразить следующим образом:



Рис. 1

Процесс первичной институционализации завершается созданием конкретного социального института и является целостным (но не всегда бесконфликтным). Такая схема находит своё подтверждение на примере, выбранном нами для исследования, т. е. кочевого общества он-уйгуров и токъуз-уйгуров.

Общества он-уйгуров и токъуз-уйгуров в глубокой древности находились на территории северо-западной Монголии, возле реки Орхон, и согласно письменным источникам прошли свою первую институционализацию. Возможность такого процесса не отрицается В.Н. Тарасевичем, указывающим, что «в неолите существенно интенсифицируется рост и расширение общины, межобщинные взаимодействия и связанные с этим поиск и реализация нетрадиционных способов ведения дел, аккумуляция и распределение прибавочного продукта в интересах общины. Очевидно, *представленная в этих конкретных формах (действиях) деятельность является политической – собственно общественной, упорядочивающей жизнедеятельность той или иной общности как целостности!*» [53, с. 19; 31, с. 255–273].

С усложнением социальной структуры общества [47, с. 230–243], писал В.Н. Тарасевич, «важной формой политической деятельности становится согласование, оптимизация действий и интересов различных социальных образований (каст, слоёв, групп, страт), объединённых в данную общность тем или иным образом (мирным или насильственным). Необходимые для этого с-институты продуцируются *политико-институциональной деятельностью* [53, с. 20].

Исследуемые кочевые племена уйгуров, согласно данным Джувейни, Рашид эд-Дину и Абуль-Хаир хану, суть племена, которые были союзниками или последователями Огуз-хана, так как слово *у й г у р* по-тюркски означает «последовавший», «примкнувший», «соединившийся» [2, с. 282].

Описание процесса образования кочевого государства уйгуров в древности мы находим у персидского писателя Джувейни, в его сочинении «Тарих-и джехангуша» (закончена в 1260 г.) [16, с. 442–449], в котором он сообщает нам, что «сами уйгуры полагают, что начало зарождения и укрепления уйгуров как общества и государства произошло на реке Оркон, истоки которой – в горе, которую называют Каракорум, и город, который в это время изволил построить каан, также по той горе называют. И тридцать рек из неё вытекают, на каждой реке было другое племя, а на Орконе были Уйгуры двух разделений. Когда скопище их сделалось многочисленным, *по образу других племён из среды своей поставили они начальника, и выказывали ему повиновение, и пятьсот лет в таком порядке проживали до того времени, как появился Буку Хан; и так говорит молва, что Буку Хан – Афрасияб, повествование о котором приводится в историях* [45, с. 57]. А дело происходило так. Из всех рек Каракорума две реки, Тогла и Селенга, в месте, которое называется Кумланджу, сливались вместе. В этом месте Уйгуры увидели пять мальчиков, изукрашенных благородными доблестями (...) Все уйгуры, созерцая, выражали (этим мальчикам) почтение, приличествующее царским сыновьям, которым они дали следующие имена: старшему – *Сункур-тэкин*, второму – *Котур-тэкин*, третьему – *Токель-тэкин*, четвёртому – *Ор-тэкин*, пятому – *Буку-тэкин*. *Согласились уйгуры, что одного из них надобно сделать начальником и государем, потому что они посланы Богом, да возвеличится состояние Его и укрепится доказательство Его*. Они нашли, что *Букухан* превосходил других мальчиков красотой внешнего вида и силою ума и рассудительности и знал все языки и письмена (различных) народов. *«Все в одно слово согласились на избрание его в ханы и собрались и устроили пиришество и посадили на трон ханствования, и Он разостлал ковёр справедливости и свернул листы угнетения, и слуги его и челядинцы, всадники и приспешники стали многочисленны»* [45, с. 58].

¹ Здесь и далее выделено, курсивом, нами – Э.У.

Вышеприведённое описание Джувейни является первым связным изложением процесса институционализации кочевого скотоводческого общества он-уйгуров. Макс Гунель заметил, что существует определённый «юридический момент» кристаллизации государства, который в публичном праве обычно именуется «институционализацией власти» [11, р. 24].

Процесс институционализации уйгурских обществ, приведший к образованию уйгурского кочевого государства, был также описан Рашид эд-Дином (ум. в 1318 г.), в «Сборник'е летописей» [48, с. 124–127].

«В стороне от гор Каракорум и Ашкунлукъ Танрим, – писал Рашид эд-Дин, – есть гора Кут-так, и в окрестностях тех гор в одном месте есть десять рек, а в другом месте девять рек. В старые времена место племён уйгурских было на тех двух бассейнах рек, горах и степях. Тех, которые находились на десятиречьи, называют *Он-Уйгур*, а тех, которые на девятиречьи, – *Токъуз-Уйгур*. Те десять рек называют также *Он-Оркъон*, и имена их в следующем порядке: *Ишкуль*, *Туквер*, *Уркандур*, *Тулу*, *Бадар*, *Адар*, *Уч-Табын*, *Кумладжу*, *Утиганъ*. На первых трёх реках жили девять племён, на (следующих) четырёх – пять племён и тех, которые были на *Кумланджу*, которая есть десятая (река), называют племя *Онгъ*, а тех, которые находились на Утиган, что есть десятая (река), называют племя *Коман-аты*. И кроме этих племён, живших на этих реках, было сто двадцать два племени в той окружности, но имена их неизвестны. Прошли года и века, как у тех племён уйгурских не было назначено государя и главаря, и во всякое время в каждом племени один преобладанием становился начальником своего племени [45, с. 41]. После того те племена в совокупности для направления всевозможных дел составили Совет, на котором решили: «Нам, кроме полновластного государя, который на всех распространял бы приказы, нет другого средства и исхода». Все единогласно и по взаимному своему удовольствию избрали из племени *Ишкуль* человека по имени *Монго-Бай* который был разумнейший между племенами, и дали ему прозвище *Аль – Альтирир* [3, с. 897–917], и другого, отмеченного способностями, (избрали) из племени *Оркандур* и дали ему прозвание *Коль – Аркин* [3, с. 897–917]; обоих их сделали государями всех племён [45, с. 41]. Техническим выражением уйгуров в это позднейшее время было таково, что государя своего они называли *Иди - Кут*, то есть, «господин счастья» [45, с. 41; 46, с. 124–127].

Ещё одним описанием процесса институционализации уйгурского кочевого общества является сочинение сер. XVII в. Абуль-Хаир хана, «Родословная о татарах» [46, с. 484], принципиально не отличающееся от ранее приведённых описаний Джувейни и Рашид эд-Дина, за исключением имён и названий избранных и назначенных государей. «Так² *Унь-Уйгуры* выбрали себе *Государя* из своего поколения, именем *Мангатати*, которому дали прозвище *Иль-Иттар*; также и *Токус-Уйгуры* выбрали себе *Государя* из своего же поколения, которого назвали *Иль – Иригин*. Сии *Принцы* и их потомки, государствовали больше 100 лет над *Уйгурами*, называясь всегда тем же именем, которое первые *Принцы* имели. Потом оба сии поколения совокупившись в едино, не имели над собой больше одного *Государя*, которого они называли *Иди-Кут*, что значит на турецком языке *посланный от духа*, ибо *Иди* значит *посланный*, а *Кут* – *дух* или *душа*, на узбекском языке сие значит *вольный*, никому не *подданный*. Сии два народа, соединившись, жили около 2000 лет...» [46, с. 126–134].

Схематично описанный нами процесс первичной институционализации кочевого он-уйгурского общества «Он уу» можно отобразить следующим образом:

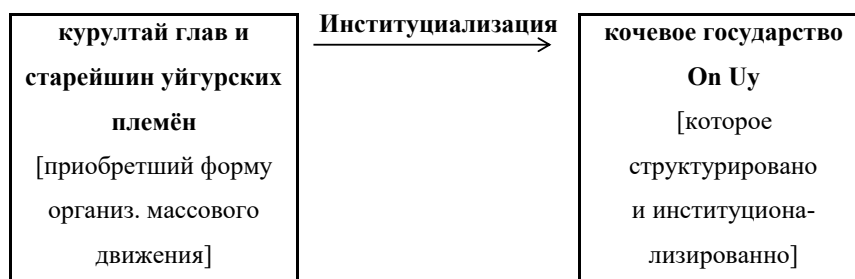


Рис. 2

Из приведённых описаний Джувейни, Рашид эд-Дина и Абуль-Хаир-Богатур хана усматривается, что в целом в процессе своей первичной институционализации кочевые общества он-уйгуров

² Орфография текста втор. пол. XVIII в. – сохранена и близка к оригиналу – Э.У.

и токъуз-уйгуров, прошли первоначальные и необходимые (с точки зрения требований, определённых обычаями, традициями и установлениями скотоводов-кочевников) этапы институционализации и выполнили необходимые действия [14, с. 1327–1329], чтобы стать полноценным и полноправным государственным институтом [52, с. 86], наряду с другими окружавшими его обществами и государствами.

Реконструкция первичного процесса институционализации он-уйгурского и токъуз-уйгурского обществ выглядела следующим образом.

Идея представителей кочевой аристократии, глав ведущих родов и племён о создании кочевого государства он-уйгуров стала ответом на требования инициаторов и организаторов съезда (кьюрултая) старейшин и знатных лиц крупных родов и племён объединиться и остаться вместе, сохранить всё, что было выработано родами, племенами, союзом племен, всем уйгурским народом [36, с. 135]. Во время подготовки и проведения кьюрултая [37, с. 112] были заложены на начальной стадии процессы габитулизации и типизации совместной деятельности. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, указанные процессы являются обязательными на начальной стадии любого институционального процесса. То есть те или иные действия начинают входить в привычку [7, с. 90] (габитулироваться), а со временем, в процессе взаимной деятельности, они становятся типичными для большинства [7, с. 92] кочевников-скотоводов [40, с. 218–227]. Очевидно, что исторический институционализм – первоначальный институциональный выбор, совершённый в прошлом, оказывающий существенное влияние на последующий политический процесс. По мнению А.И. Овчинникова, наиболее важная часть человеческой деятельности (а право по своей природе принижывает именно эту часть) сопряжена с процессом институционализации, представляющей собой типизацию привычных действий деятелями разного рода [38, с. 38]. Правосознание и является источником и носителем этих институтов или типизации правового поведения. Это позволяет разрешать разносторонние повседневные вопросы, не требующие дополнительных и специальных усилий, сохраняя их для более сложных задач.

На кьюрултае (съезде) кочевого народа избирается глава кочевого государства [28, с. 82], церемония и процедура избрания которого осуществляется актом провозглашения хана [51, с. 64], торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол. Все эти действия сопровождалось строго установленными ритуалами и церемонией. Церемония интронизации хана происходила в специально отведённом по такому случаю шатре [51, с. 65]. После того как завершались словопрения, когда присутствующие хвалили кандидата на престол, а тот, «как это обычно бывает», отказывался, перепоручая это каждому царевичу, и наступал выбранный звездочётами (кам, колобр – священнослужители, авт.) благоприятный день, совершался сам акт торжественного восшествия избранника на престол [28, с. 88–89] и торжественной присяги.

По рассказу доминиканца Симона Сен-Кентина, который передаёт слова Бенедикта, спутника Плано Карпини [41, с. 38–49], перед избранником, сидящим на троне, царевичи клали меч и говорили: «Мы желаем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты владычествовал над всеми нами». А кандидат на престол верховной власти так обращался к присутствующим: «Если Вы хотите, чтобы я царствовал над Вами, то готовы ли все до одного делать то, что я прикажу, приходить, когда бы я ни позвал, идти туда, куда я пошлю Вас, предать смерти всякого, кого я прикажу?». Присутствующие отвечали, что они готовы. Тогда избранник говорил: «Мой приказ будет меч» [51, с. 66]. С этим они все соглашались. Затем кандидата на престол царствования сажали на белый войлок, говоря ему: «Смотри вверх и познай Бога и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо, и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением, и Господь пошлёт тебе всё, что ты пожелаешь в сердце твоём. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе» [51, с. 66].

После избрания главы государства происходит назначение глав правого и левого крыльев государства, заместителей и помощников главы государства [28, с. 81], главнокомандующего войсками, главы ханской гвардии, управляющих делами и др. [4, с. 62–68]. Происходит формирование институтов государства, статусных и ролевых систем [15, с. 113–117].

Присвоение титулов осуществлялось непосредственно ханом на основании древнетюркского сборника традиционных законов – тюрю/төре. Для назначения чиновников на определённые должности и присвоения им различных титулов хан созывает государственный Совет – qurultay [26, с. 51–67]. Здесь мы видим, как кьюрултай, после образования кочевого государства, приобретает и другую функцию – функцию государственного Совета.

О достаточно разветвлённой и развитой системе управленческого аппарата древних тюркских государств свидетельствует приведённый Ю.А. Зуевым [17, с. 152] фрагмент «о чинах и званиях» у ранних тюрков, свидетельствующий, что «при их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших всего десять степеней» (впоследствии, замечает Ду Ю, их стало двадцать восемь) [17, с. 151]. Вопрос о древнетюркской титулатуре, имеющей несколько уровней, раскрыт Г. Бабаяровым и А. Кубатиным [3, с. 897–917].

В формировании институтов, по мнению А.И. Овчинникова, важен момент историчности, т.к. институты возникают не одномоментно, более или менее адекватно понять их можно только в контексте исторического процесса [25, с. 141], истории их формирования. Поэтому у существующих на момент социализации новых поколений институты «формируют» понимание социального порядка, вследствие чего мы можем говорить о правовой институционализации как о процессе конструирования социального порядка в ходе интерпретации существующих правовых институтов, под которыми понимается не просто совокупность норм, а типизация правового поведения и правоотношений (социологический аспект права) [38, с. 38].

С окончанием кьзуруттая начинается функционировать система контроля, в соответствии с которой специально уполномоченными лицами осуществляется вопросы административно-территориального деления государства, в основе которого заложена десятичная система [28, с. 84]. Действовавшие до образования кочевого государства, в рамках семьи, аула, рода, подплемени и племени нормы обычного права и санкции распространены уже в рамках территории всего кочевого государства [28, с. 87] и применяются от имени кочевого государства. Эти нормы и правила обычного права, формализуясь, получили силу закона кочевого государства, поскольку глава кочевого государства, приобретая власть [12, с. 97] главы государства, получает и право на применение санкций от имени кочевого государства [28, с. 73–89; 29, с. 484–487; 43, с. 63–77].

Функционирование кочевого государства сопровождается организацией армии кочевого государства, специального аппарата администрации и чиновников, ханской гвардии, созданием пограничной и ямской (почтовой) службы, разрешением вопросов, связанных с организацией административно-территориального устройства кочевого государства, налоговой службы и др.

Процесс институционализации [19, с. 52] рассматриваемого нами кочевого общества впоследствии объединённых в одно целое, под одним именем он-уйгур – *On Uy*, предполагает, что предыдущее поколение при формировании того или иного социального института осознаёт его конструируемым искусственно. Но в процессе передачи его потомкам институциональный мир обретает статус реальности, существующий, согласно транслируемым представлениям, всегда. Кроме типичных и коллективных представлений, общее добровольное и самостоятельное движение он-уйгурских и токьуз-уйгурский аулов, родов, подплемён и племён, в лице кочевой сословной аристократии, глав ведущих родов, племён, и их старейшин, состоит из [вбирает в себя] статусов и ролей, систем социальных санкций и контроля, общих целей, установок и образцов поведения, несовершеннолетних ещё юридических и политических учреждений [50, с. 67–99], но устойчивых институтов обычного права [43, с. 63–77], уже имеющего силу закона [44, с. 15–38]. Понятно, что социальная структура кочевников и функционирование других (новых) институтов в кочевом обществе не могут существовать в отсутствие коллективных представлений, являвшихся результатом типизации и усилий по достижению типизации и формированию коллективных представлений [7, с. 99] как акторов, выступающих инициаторами самостоятельной деятельности, – участников и членов социума – кочевого общества. Рассматриваемая отдельным кочевником реальность обретает в его сознании устойчивость, реальность представляется ему трудноизменяемой, т.е. становится неизменной.

Процесс легитимации образованного кочевого государства он-уйгуров базируется на механизме оправдания сложившегося институционализированного построения. Для сохранения социального института – кочевого государства, требуется интерпретация (отвечающая критериям устойчивости и убедительности) смыслов системы и функциональности составляющих её установлений, после чего новое поколение будет социализировано в институциональный порядок кочевого государства. П. Бергер и Т. Лукман акцентируют внимание на способствующих процессу легитимации «символах оправдания», поскольку «она оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» [7, с. 99]. Справедливым следует признать замечание Т. Парсонсона, что «общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности её

конститутивному символизму» [39, с. 22]. Любой устойчивый социальный порядок предполагает наличие культурных значений, правил и норм, на которые он опирается и которые легитимируют его существование. Интерпретируя суждения Ю. Хабермаса, можно говорить, что кочевое общество в такой перспективе может быть рассматриваемо, прежде всего, в аспекте специфических, присущих только скотоводам «ценностно-нормативных порядков», через которые кочевники «устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность» [54, с. 91–99; 198–211]. Теоретическое обоснование действующих понятий и значений, которые позволяют обойти ошибочную интерпретацию прошлого будущими поколениями и которые станут новыми подданными кочевого государства, придут на смену умершим или выбывшим после его создания и образования и не будут помнить ни самого кюрултая, который прошёл в их отсутствие, ни тех требований, которые этот кюрултай объявлял или обозначил. *Статус кочевого скотоводческого государства он-уйгуров On Uy определяется на основе предшествующего опыта кочевников-скотоводов, их семей, аулов, родов, подплемён, племён и племенных союзов.*

Реконструкция событий показывает, что институционализация он-уйгурского кочевого государства произошла вопреки «обязательным» требованиям, «необходимым» для констатации факта образования института государства – наличия собственности на землю и классовых противоречий и т.д. И подтверждается мысль проф. В.П. Илюшечкина, что *«государство, к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов и для защиты от внешних врагов, получает в такой же мере и назначение – посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против угнетённого»* [56, с. 152], что *«древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течении тысячелетий основу самой грубой государственной формы восточного деспотизма»* [56, с. 186], и *«там, где она (государственная власть) возникает, когда община обрабатывает землю ещё способна или, по крайней мере, передаёт только во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, ещё не образовалась частная собственность на землю, – там государственная власть появляется в форме деспотизма»* [57, с. 497], наконец, *«в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует... общинная собственность»* [34, с. 464].

Приведённое уже не оставляет сомнений в том, что *возникновение целого ряда исторически первых государств происходило в условиях, когда отсутствовала частная собственность на землю, частнособственническая эксплуатация и общественные классы, т.е. [происходило] возникновение государств в качестве сословных, а не классовых, каковыми они становились позднее* [18, с. 54].

Выводы. Полученные данные позволяет сделать предварительные выводы о результатах исследования. Около VIII вв. до н. эры вдоль р. Орхон, на территории Монголии и Алтая, в два этапа состоялась первичная институционализация кочевых скотоводческих племён и обществ, приведшая к организации и проведению представителями кочевой сословной аристократии, глав ведущих скотоводческих родов, племён и их старейшин кюрултая скотоводческих племён и образованию кочевого государства он-уйгуров, в китайской транскрипции III-II вв. до н. эры – Он уу, письменно задокументированного греческими, латинскими и персидскими источниками как *«оногуры», «котургуры», «утургуры», «сарыгуры», «ультиндзуры», «биттугуры», «гунну».*

Вновь образованная институция, кочевое государство Он-уйгуров – Он уу, имела свою историю, была дважды легитимизирована и впоследствии легализована, приобрела необходимую ей государственную инфраструктуру и систему контроля.

Остались недостаточно детализированными вопросы формирования статусных и ролевых систем, систем социального контроля, организационной структуры и функциональной, конгломератной и матричной моделей кочевого общества и государства. Исследование указанных вопросов, включая вопросы легализации кочевого государства он-уйгуров в Восточной Европе, требуют привлечения значительного массива китайских письменных источников.

Государство кочевников он-уйгуров терминологически зафиксировано в официальном китайском источнике «Ши цзи», Сыма Цянем как «син го» – «государство, передвигающихся со скотом», «государство народа» – «не земледельца» – «бу ту-дже»; или «го ло» – «государство-кочевье», «ю чан го», «ю син го» – «юрточное государство» и «государство (с) городами, обнесёнными стенами». Эти факты указывают на то, что народ «онь – уйгуры» пришёл в Восточную Европу [21, с. 154; 10, с. 56] со своей культурой, своим государством, своими институтами, своим государственным устройством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oberg M., Sandberg V. Social Capital and Democratization. Roots of Trust in Post-communist Poland and Ukraine. Burlington. 2003. 332 p.
2. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. *Живая Старина*. Вып. III-IV. Санкт-Петербург, 1896. С. 277–456.
3. Бабаяров Г.Б., Кубатин А.В. Древнетюркские титулы и эпитеты на согдоязычных монетах Средней Азии эпохи раннего средневековья. *Улкен Алтай элеми*. 2 (4.2) 2016. С. 897–917.
4. Бадмаев С.Б. К вопросу о формировании системы институтов, институционального механизма государственных образований кочевого скотоводческого общества. *Вестник Калмыцкого университета*. 2014. № 1(21). С. 62–68.
5. Бартольд В. Образование империи Чингиз-хана. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. Москва : Восточная литература, 2002. 757 с.
6. Беляев Г.С., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов. *Проблемы в российском законодательстве*. 2018. № 4. С. 101–104.
7. Бергер Р., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Москва : Медиум. 1995. 323 с.
8. Васильев Л.С. Западное Чжоу: институционализация власти. *Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шань-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)*. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 379 с.
9. Головаха Е. Панина Н. Пострадянська деінституціоналізація і становлення нових соціальних інститутів в українському суспільстві. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2001. № 4. С. 5–22.
10. Григорьев В.В. О скифском народе саках. Историческая монография. Тип. Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1871. 200 с.
11. Gounelle M. Introduction au droit public. Institutions-Sources. Paris Montchrestien, 1989. 297 p.
12. Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В. Проблема власти с точки зрения институционального подхода. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. Том 8. № 3. С. 91–101.
13. Drew P., Sorjonen M-L. Institutional Dialogue. *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. V. 2. Ed. Teun A van Dijk. London, 1997. P. 92–118.
14. Douglass C. North. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*. V. 17, no. 9. Pergamon Press. 1989. P. 1319–1332.
15. Дюсуше О.М. Лекция «Институциональные модели государства». *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2012. Том 4, № 2. С. 112–127.
16. Извлечения из «Тарих-и-джехангуша» Ала-ад-дина Ата-мелика Джувейни. *Материалы по истории туркмен и Туркмении* / Пер. под ред. А.А. Ромаскевича. Москва : Институт Востоковедения, 1939. Т. 1. 617 с.
17. Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы–Москва, 1998. Вып. 2. С. 151–153.
18. Илюшечкин В.П. О двух стадиях и двух тенденциях развития государственности в старом Китае. *Государство в докапиталистических обществах Азии*: сб. ст. Москва : Наука, 1987. С. 52–81.
19. Клейнер Г.Б. Агенты и институты: к проблеме институционального выбора. Волгоград : ВОЛГУ, 2005. 53 с.
20. Ключко В.И. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Київ : АртЕк, 1996. 337 с.
21. Ключко В.И. Происхождение скифов. Эпоха раннего железа. Киев-Полтава, 2009. 456 с.
22. Ключко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев, 2017. 367 с.
23. Кондуров В.Е., Краевский А.А. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме. *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14. № 6. С. 95–144.
24. Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / пер. с англ. Р.В. Котенко. Санкт-Петербург, 2001. 480 с.
25. Кузьмин С.Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке. *Научный диалог*. 2016. № 9(57). С. 136–148.
26. Кубатин А.В. К вопросу о присвоении титулов у древних тюрков. *International Journal of Central Asian Studies*. 2017. Vol. 21. С. 51–70.
27. Кычанов Е.И. Сказка о Маодунь – шаньюе и Огуз-кагане. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы. 1986. Часть I. С. 102–105.
28. Кычанов Е.И. Кочевое государство. *У времени в плену. Памяти Сергея Сергеевича Цельникера : сборник статей*. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 73–89.
29. Кычанов Е.И. Некоторые замечания о праве кочевых государств. *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ : Изд.-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 484–491.
30. Макеев С. Соціальні інститути: класичні тлумачення і сучасні підходи до вивчення. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2003. № 4. С. 5–20.
31. Малиновский Б. Магия, наука и религия. / пер. с англ. Москва : Рефл.-бук, 1998. 304 с. (Серия «Astrum Sapientiae»).

32. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 800 с.
33. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Госполитиздат, 1968. Т. 46, ч. I. 587 с.
34. Матусевич В. Соціальний інститут функція, генеза, структура. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2004. № 4. С. 43–56.
35. Меер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 1. С. 44–67.
36. Мокроусова Е.А. Социальная память: образы прошлого в настоящем. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5(67). С. 134–137.
37. Мокроусова Е.А. Феномен социальной памяти: легитимация социальных институтов. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12(74): в 3-х ч., Ч. 3. С. 110–113.
38. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов -на-Дону. 2003. 262 с.
39. Парсонс Т. Система современных обществ. / пер. на русский язык: Л.А. Седов и А.Д. Ковалёв ; под ред. М.С. Ковалёвой. Москва : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
40. Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня. *Политическая наука: новые направления* / пер. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Москва : Вече, 1999. С. 218–231.
41. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. Москва : Гос. изд-во геогр. лит-ры. 1957. 287 с.
42. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago : The Chicago University Press, 1991. 478 p.
43. Почекаев Р.Ю. Законотворческая деятельность тюркских правителей VI–XI вв. в контексте правового развития кочевых народов Евразии (формы, содержание, преемственность традиций). *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 63–77.
44. Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. *Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в.* Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 15–38.
45. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из Предисловия к изданию Кудатку – Билика. *Приложение к LXXII-тому Записок Императорской Академии Наук № 2*. Санкт-Петербург, 1893. 130 с.
46. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги, сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук. Соч. Абулгачи-Баядур-хана / пер. В. Тредьяковского. При Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1768. Том I. 484 с.
47. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. / пер. с англ. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с. (Серия «Этнографическая библиотека»).
48. Сборник летописей. История Монголов. Сочинение Рашид эд-Дина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И.Н. Березина. *Записки Императорского археологического общества*. Санкт-Петербург. 1858. Том XIV. 320 с.
49. Сеницын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население 1917–1991. Москва : Центрполиграф, 2019. 318 с.
50. Стоянов А.Н. Зачатки юридических и политических учреждений у первобытных народов (имущественное право; наследование, договоры у примитивных народов; зачатки суда и уголовного права). *Записки Императорского Харьковского университета*. 1895. Кн. I. С. 67–99.
51. Султанов Т. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана : Астана Даму-21, 2006. 256 с.
52. Тамбовцев В. Проблема возникновения институтов. *Вопросы истории*, 2010. № 11. С. 83–96.
53. Тарасевич В.Н. Что такое институт? (опыт институциональной эволюции) *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2010. Том 2, № 3. С. 5–23.
54. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. Наука. Санкт-Петербург. 2001. 380 с. (серия «Слово о сущем»).
55. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). Москва : Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1980. 332 с.
56. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Госполитиздат. 1961. Т. 20. С. 5–342.
57. Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Госполитиздат. Москва. 1961. Т. 19. С. 495–546.

Е. Ш. Умеров. Первинна інституціоналізація он-уйгурського і ток'уз-уйгурського племен і утворення кочової держави «Он уу». – Стаття.

Анотація. У статті реконструюються процеси первинної інституціоналізації кочових скотарських племен он-уйгурів і ток'уз-уйгурів, що привели до утворення кочової держави «Он уу» на території Монголії, на р. Орхон і Алтай; автором зроблена спроба відновлення і осмислення процесуальних рішень і процедур, організаційно пов'язаних з первинною, можливо, однією з найбільш ранніх інституціоналізацій он-уйгурського суспільства, процесів, що збереглися в народній пам'яті он-уйгурів, в письмових джерелах східних авторів давнини і середньовіччя.

Ключові слова: он-уйгури, скотарі, кочове суспільство, первинна інституціоналізація, процеси габітулізації і легітимації, інститут – держава, он-уйгурська кочова держава, «Он-Уу».

E. Umerov. Primary institutionalization of on-uygur and tokuz-uygur tribes and the formation of a nomadic state “On uy”. – Article.

Summary. In this paper the processes of primary institutionalization of the nomadic pastoralist tribes of the On-Uygurs and Tokuz-Uygurs was reconstructed. That process had led to the formation of the nomadic state “On uy”, on the territory of Mongolia, on the river Orkhon and Altai. Therefore, in the article an attempt to restore and comprehend procedural decisions and procedures, related to the initial, perhaps one of the earliest institutionalization of the memory of the On-Uyghur society was made. The processes preserved in the folk environment of the On-Uyghurs, in the written sources of Eastern authors of antiquity and the Middle Ages.

Key words: on-uyghurs, pastoralists, nomadic society, primary institutionalization, processes of habitulation and legitimation, institution – state, on-uyghur nomadic state, “On-Uy”.